

**ЭФЕМИСТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ
ТЕМЫ МАЛОЙ РОДИНЫ
В КНИГЕ В. КУПРИЕНКО «ПРО ТО, КАК...»**

Пятая книга амурского писателя В. Куприенко «Про то, как...» – явление амбивалентное. Для читателя – это лёгкое, в меру познавательное, в меру поучительное, в меру развлекательное чтиво. Для исследователей – книга со своего рода загадками, обуславливающими особого рода сложность в ответе на ключевые литературоведческие вопросы.

Во-первых, сложность вызывают как стилевое и речевое своеобразие, так и лексическое, включающее примеры абсолютно из всех слоёв великого русского языка. Во-вторых, сложность обусловлена и разнообразием используемых автором художественных приёмов и принципов (от классических до постмодернистского принципа нон-селекции), а также обилием (своих и заимствованных) образов, мотивов и т.д. В связи с этим очень остро стоит проблема метода и типа художественного сознания В. Куприенко. Но ответы на данного рода вопросы литературоведческой науке ещё предстоит искать.

В-третьих, сложным, а точнее многообразным является и проблемно-тематический комплекс произведений, вошедших в данный сборник. Здесь и исповедальная тематика, и любовная, и бытовая, освещение вечных проблем и проблем современных, актуальных, получающих в произведениях писателя разрешение как реалистическое, так и фантастическое (точнее – мистическое, как в рассказе «Внук колдуньи»).

Не ушёл автор и от такой важной темы, как тема родины, которая, в свою очередь, в данной книге тесно связана с темой малой родины.

Как известно, любой серьёзный писатель, реализуя своё понимание мира и места человека в нём, не может уйти от вопроса об отношении человека к своим корням и истокам, к сво-

ей родине – большой и малой. Не секрет, что тема родины, тема восприятия родины у писателей и поэтов раскрывалась по-своему (вспомним Толстого, Тургенева, Достоевского, Есенина, Шолохова, Солженицына и т.д.). У каждого из них имелись свои нюансы в понимании родины, были нюансы и в художественной передаче своего понимания, в воссоздании образа родины.

Своими нюансами характеризуется решение данной темы и в книге В. Куприенко «Про то, как...» Нельзя сказать, что тема родины – это центральная тема книги. Но она, так или иначе, пронизывает художественную ткань сборника.

В повести и рассказах мы вряд ли найдём открытые описания родных просторов или пейзажные зарисовки малой родины писателя. Новеллистичность рассказов определяет особое авторское отношение к тем элементам, которые скорее создают эффект ретардации, нежели увлекают читателя.

Довольно-таки редки и размышления героев или автора-повествователя на эту тему. А если они есть, то потенциально, косвенным образом сводятся к традиционным вопросам: «Как быть?», «Что делать?» и «Кто виноват?»

Большинство персонажей книги – это скорее наши соотечественники, воплощающие традиционные национальные черты, мыслящие, несмотря на очевидную для некоторых из них некультурность, в духе традиционных культурологических мифологем и ценностных стереотипов.

Правда, соотечественники у Куприенко многонациональны. Помимо русских и украинцев, в произведениях сборника появляются, действуют или описываются и грузины, и татары, и евреи, и многие другие. Однако и они находятся в обозначенном культурно-вопросном поле, живут в нашем современном мире, сталкиваются с нашими современными проблемами.

В целом же топос книги и её художественная география очень широки: от Парижа и Брюсселя («В поисках Карли» и «Исповедь старого удава») до Соединённых Штатов Америки («В Штаты за наследством»); от Испании (в одном из рассказов даже музей Прадо вскользь упоминается) до Японии; от Москвы («Телосмотритель») до Сахалина («Исповедь...»).

Но, несмотря на это, в книге вряд ли найдутся прямые названия – «топонимы» – страны и региона, в которой живут герои-соотечественники. Крайне редко в произведениях открыто называется Россия, и никогда – Амурская область или Благовещенск.

Однако упоминания малой родины, родного края всё же есть, но носят они преимущественно эвфемистический характер¹.

В книге можно условно выделить три основных типа эвфемистической реализации «топонимов» родины.

1. Перифразовый тип (основанный на замене прямого названия объекта описательным).

2. Контекстный тип (топос определяется через контекст, порой не только художественный, но и экстралитературный).

3. Метонимический тип (через сопоставление по смежности).

Первый тип – перифразовый. С ним читатель встречается уже в первом произведении книги – в «Исповеди старого Удава».

Герой данной повести действует на широком эпическом фоне – на фоне «страны Советов»; действие происходит в некоем «Золотом крае» – крае разведчиков и добытчиков золота, а также Стрижей, БИЧей, Удавов с коронными ударами локтем в ухо и т.д.

Перифраз в данном произведении дополняется своеобразной патетикой, косвенно апеллирующей к традиционным вопросам русской культуры, обозначенным выше: «Здесь большая территория, масса богатств и масса возможностей. Если бы это было в Америке, то губерния давным-давно имела бы благостный вид» (С. 23)². Или: «Здесь столько добыто золота, что из

¹ Эвфемизм, как известно, это не прямое, смягчённое выражение вместо резко-го или нарушающего нормы. Эвфемистическими были и слова, употребляемые по отношению к табуированным предметам, тотемным, сакральным животным и объектам.

² Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы книги: *Куприенко В. Про то, как... Были и небылицы. Благовещенск: Визави, 2007. 160 с.*

него во всех поселениях этой территории можно было сделать мостовые и покрыть крыши» (С. 23).

В первом произведении можно найти довольно-таки вескую художественную мотивировку такому эвфемистическому обозначению топографических объектов и географических мест. Сам герой – Удав, осуществляя «исповедь длиною в жизнь», признаётся в наличии у него врождённого «топографического кретинизма». И это несмотря на то, что немалый период своей жизни он проводит именно там, где топографические навыки так или иначе нужны³.

С другой стороны, можно предположить, что автор, согласно традиции русской литературы (вспомним гоголевское условное обозначение города NN), стремится типизировать место действия повести. Но это как-то плохо сочетается с исповедальным характером произведения, требующим всё же некоторой конкретики.

Второй тип эвфемистической реализации темы родины – контекстный. В данном случае о месте действия героев читатель может узнать из контекста, как, например, в рассказе «Каша в святая святых».

В этом небольшом рассказе речь идёт о сугубо личной, обыденной жизни священнослужителей. В нём они предстают обыкновенными людьми с обыкновенными и необыкновенными потребностями. Сложная повествовательная структура – повествование ведётся от лица батюшки (внутренний монолог), от лица журналиста (внутренний монолог) и в виде диалога между батюшкой и журналистом – позволяет автору раскрыть смысл названия. Способствует этому и архитектура произведения: небольшие в один абзац эпизоды с одним из трёх типов повествования чередуются со строгим постоянством.

Но такой авторский акцент на вещах формальных, структурных всё же не уводит читателя от вопроса о месте действия в рассказе. Благодаря «контекстным» фактам (так, один из героев, как и писатель биографический, является журналистом) на ум

³ Кстати, сам писатель иронически признаётся в «топографическом кретинизме» в интервью журналисту газеты «Дважды два» (2007, 20 ноября, № 47).

приходит мысль о том, что речь идёт о приходе местном, амурском.

Другой рассказ, в котором реализуется контекстный тип эвфемистического раскрытия темы малой родины – «Коммунистики». Это трогательно-трагическая история о возвращении молодым учителем истории из города, но попавшем по распределению в сельскую школу, при этом коммунистом, парочки «коммунистических» же поросят. Главный герой – Евгений Павлович Невморин, «молодой сельский учитель истории, обществоведения, основ государства и права» (С. 85), своей биографией напоминает биографию самого писателя, также попавшего по распределению после вуза в одно из амурских сёл.

Профессиональная специфика рассказа «Кормушка для Фили» – о нежных отношениях «алкаша» егеря-самоучки и козлёнка Фили – намекает читателю своей «таёжностью», что место действия произведения, возможно, – северные районы Амурской области.

Третий тип эвфемистической реализации темы малой родины – метонимический. Он основан на смысловой смежности. Автором упоминаются такие реалии и детали, которые характерны в основном для Приамурья или как-то ему близки, тесно с ним связаны.

Пример данного типа реализации темы родины представлен в рассказе о художнике – «Шёл по улице ротан». Как известно, ротан – рыба-эндемик бассейна реки Амур. А значит, как можно предположить, автор, повествуя о «соло ротана на менте», рисует образ именно амурского находчивого художника⁴.

В рассказе «Нож к горлу» смысловой топоним малой родины подчёркивается через упоминание сопредельного (смежного) города сопредельного же государства. В произведении повествуется о грабеже китайским таксистом в Хэйхэ жён двух

⁴ В предисловии к рассказу «Шуба из голубой норки» в альманахе «Амур» В. Куприенко сам о себе говорит: «Я – амурский ротан северного исполнения» (Амур: Литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 33).

влиятельных персон «приграничной зоны». Совершенно очевидно, что влиятельные особы данной пограничной зоны, чьи жёны ездят в китайский городок «водку пить», скорее всего, живут в Амурской области, в городе Благовещенске.

Китай и специфические для Благовещенска и Амурской области русско-китайские отношения упоминаются ещё, как минимум, в трёх рассказах книги – «Программа ликвидации мужа», «Ёлка за десять баксов» и «Визит майора ФСБ».

В первом – трагическом – рассказывается о женщине, решившей известить мужа и зарабатывающей деньги на жизнь и на «извод» (она спаивала супруга) доставкой товара из заграницы в Россию, так называемым «челночеством».

Во втором – философском – главный герой предлагает друзьям «после рождества сгонять к китайцам в санаторий. Почиститься, массаж попринимать, кому ванны, кому грязи, кому что» (С. 154).

В третьем – полудетективном и полушпионском – повествуется о прибытии в областной центр японца, попросившего в разгар сабантуя информацию об изменении фарватера приграничной реки за последние три года. В данном случае, наверное, читателю не составит особого труда догадаться, какая приграничная река интересует представителя азиатского государства. А с другой стороны, какая бы река автором ни подразумевалась, в рассказе она легко может быть названа Амуром.

Но теперь резонно поставить вопрос, а почему именно такое – эвфемистическое – решение темы малой родины выбирает для себя В. Куприенко?

Ответов может быть несколько. Во-первых, это может быть простой случайностью.

Во-вторых, это может быть связано с подзаголовком книги: «Были и небылицы». В тех произведениях, где вымысел автора очевиден, герои действуют во вполне конкретных местах, но, правда, далёких от нашего региона. А произведения, так или иначе содержащие автобиографические мотивы, наоборот, не дают какой-либо топографической конкретики. Художественно играя с топонимами, автор подчёркивает «быльность» небылиц

и вымысел «былей», вводя в заблуждение читателя, но и давая ему ключ к разгадке.

В-третьих, через эвфемистичность автор, возможно, выражает, подобно носителям тотемно-мифологического сознания, своё «пиететное» отношение к сакральным местам, к святой для него малой родине.